

Ю. М. ФЕРДМАН

Большевизия и Московия. Историческая параллель

На мысль о сходстве Большевизии с Московией наталкивает уже одно сравнение их географического положения: потеря Россией ее западных территориальных завоеваний XVIII–XIX веков; перенесение центра государственного управления из Петербурга в Москву; политическая и экономическая изолированность России от Европы; стеснение российских граждан в их сношениях с Западом, стеснение, живо напоминающее следующий рассказ Котошихина о мерах Московского правительства XVII века: «И о поезде московских людей, кроме тех, которые посылаются по указу царскому и для торговли с проезжими, ни для каких дел ехать никому не позволено... И ежели бы кто сам (т. е. самовольно. — Ю. Ф.) поехал, а после его остались сродственники, и их бы пытали, не ведали ли они мысли сродственника своего»*.

Еще разительнее сходство хозяйственно-правовых условий жизни Большевизии и Московской Руси. Джильс Флетчер, посетивший Россию в 1588 г. в качестве английского посланника, рассказывает следующее: «Кроме податей, пошлин, конфискаций и других публичных взысканий... простой народ подвержен такому грабежу и таким поборам... что вам случается видеть многие деревни и города, в полмили, или в целую милю длины, совершенно пустые, народ весь разбежался по другим местам от дурного с ним обращения и насилий... Чрезвычайные притеснения, которым подвержены бедные простолюдины, лишают их вовсе бодрости заниматься своими промыслами, ибо чем кто из них зажиточнее, тем

---

* Г. Котошихин. «О России в царствование Алексея Михайловича», изд. 3-е, 1884 г., стр. 58–59. — Обычай преследования родственников лица, совершившего какой-либо политический проступок, заимствован большевиками, как видит читатель, из практики Московской Руси.

в большей находится опасности не только лишиться своего имущества, но и самой жизни... Вот почему народ (хотя вообще способный переносить всякие труды) предается лени и пьянству, не заботясь ни о чем более, кроме дневного пропитания. От того же происходит, что произведения, свойственные России, добываются и вывозятся за границу в количестве гораздо меньшем против прежнего, ибо народ, будучи стеснен и лишаем всего, что приобретает, теряет всякую охоту к работе»*. Эти слова Флетчера производят такое впечатление, как будто они направлены против большевиков. Под влиянием непомерных налогов, конфискаций и грабежей население современной России — подобно населению Московской Руси XVI–XVII веков — теряет охоту к работе, сокращает ее размеры до пределов личного потребления, разбегается в ужасе и отчаянии куда глаза глядят**. Стеснение личной инициативы и отсутствие имуществен. обеспечения на Руси XVI–XVII веков, отражаясь чрезвычайно губительным, мертвящим образом на производительных силах населения, вело, сверх того, Московию, как ведет теперь и Большевизию, к тому, что иностранный капитал отказывался помочь развитию ее хозяйственной жизни. Котошихин делает крайне любопытное замечание о том, что к добыванию благородных металлов «московские люди не промышлены; а иных государств люди те места, где родится золото и серебро, сыскали-б, а не хотят к тому делу пристать, для того, что много потеряют на завод денег, а как они свой разум окажут, и потом их ни во что промысл и завод поставят и от дела отлучат»***.

Безжалостно обираемая правительством, служилыми людьми, боярами и ростовщиками; технически бессильная в своем примитивном, натуральном хозяйстве, — Московская Русь жестоко страдала от нищеты и голода, принимавших в те времена такие же ужасные и отталкивающая формы, как и теперь при большевиках. Во время голода в царствование Иоанна Грозного в 1570 году «голодные тайно убивали и ели друг друга»****. Карамзин следующим образом описывает жизнь Москвы в 1601 году, во время голода при Борисе Годунове: «Люди стали хуже зверей... Не только грабили, убивали за ломоть хлеба, но и пожирали друг друга.

---

* Флетчер. «О государстве русском». СПб., 1905 г., стр. 54–55.

** О том, как собирались подати с населения Московской Руси, дает понятие донесение сборщика Андрея Образцова царю Михаилу Федоровичу: «Я, государь, посадским людям не норовил и сроков не даю... я правил на них твои государевы всякие доходы нещадно, побивал на смерть»...

*** Г. Котошихин, назв. соч., стр. 111.

**** Н. М. Карамзин. «История Государства Российского», СПб., 1843 г., кн. III, т. IX, стр. 99.

Путешественники боялись хозяев, и гостиницы стали вертепами душегубства: давили, резали сонных для ужасной пищи! Мясо человеческое продавалось в пирогах на рынках! Матери глодали трупы своих младенцев!... И в сие время другие изверги копили, берегли хлеб в надежде продать его еще дороже!... Везде шатались полумертвые, падали, издыхали на площадях... Приставы ездили в Москве из улицы в улицу, подбирали мертвецов... и сотнями возили за город»*...

Самовластно распоряжаясь жизнью и имуществом всех слоев народа, московская государственная власть рассматривала себя как собственника всей русской территории. Вся земля считалась царским достоянием. Сообразно с этим верховная власть — как мы это сейчас увидим — наделяла землю своих служилых людей; конфисковывала ее у них, не платя им при этом никакого вознаграждения. Большевики и тут, в области аграрного вопроса, не сказали своею национализациею земли никакого нового слова. Сходство большевистского плана национализации земли с практикою Московской Руси давно уже с замечательною проницательностью указано Г. В. Плехановым. Недостаток места не позволяет нам, к сожалению, подробнее остановиться здесь на этом важном вопросе. Укажем лишь на ту земельную революцию, которую произвел Иван Грозный с помощью своей опричнины. — «В 1556 г., — говорит Г. В. Плеханов, — Иван IV обратил внимание на то, что “которые вельможы и всякие воины многими землями завладели, службою оскудеша, не против государева жалования и вотчин служба их”. Поэтому он приказал, — указ его сохранился в летописной передаче, — произвести уравнение: “в поместьях землемерие им учиниша, комуждо, что достойно, так устроиша, преизлишки же неимущим”. Это был, — прибавляет Плеханов, — настоящий “черный передел” в помещичьей среде»**. «Землемерие», которое «учиниша» Ленин, отличается от «землемерия» Грозного тем, что оно, в формах несравненно менее организованных, было произведено в среде низшего слоя порабощенного государству населения, однако основа обоих «землемерий» этим нисколько не затрагивается. В обоих случаях не крестьяне и не помещики являются собственниками земли, а всеильное рабовладельческое государство является владыкою их земли и их жизни. Стоит ли упоминать, что социализмом, —

* Там же, кн. III, т. XI, стр. 66.

** Г. В. Плеханов. «История русской общественной мысли», Москва, 1914 г., стр. 166. (См. также его «Дневник с.-д.», № 5, 1906 г., прения по аграрному вопросу на стокгольмском съезде Р. С. — Д. Р. П.)

которым бахвалились большевики, занимаясь своим черным переделом, — тут даже и не пахнет, зато явственно слышится здесь старая, глухая, насквозь крепостническая Московская Русь.

Не довольствуясь своим всесилием в светских делах, московская власть стремилась, уже при Иване III-м, к тому, чтобы экспроприировать церковные имущества. Неизвестный автор статьи «О свободе святыя церкви» призывал тогда пастырей защищать права церкви «храбре даже до своего кровопролития», т. е. рискуя своей жизнью. А в Новгороде включено было в «чин Православия» следующее проклятие: «все начальствующие и обидящие святыя божия церкви и монастыреве, отнимающе у них данныя тем села и винограды, еще не престанут от таковаго начинания, да будут прокляты»*.

Барон Герберштейн, — написавший известную, высоко ценимую историками, книгу о России XVI века, — рассказывает, что он сам видел, как в Москве публично наказывали розгами священников. Он же сообщает об одном наместнике князя, который повесил священника и, несмотря на протесты митрополита, остался ненаказанным**. Другие — иностранные и русские — источники свидетельствуют о подобных же явлениях. При Иване IV убийства нередко совершались в храмах, и Курбский был прав, упрекая Грозного за то, что он «чиняще святыя места твердынями адскими»***.

Большевистские безобразники имеют, таким образом, предшественников и учителей в Московской Руси.

То же самое необходимо сказать и о всей системе государственного управления. Безграничная московская власть, подобно власти большевистской, находила, по яркому выражению проф. Ключевского, что «народ не может иметь своей воли, а обязан хотеть волею власти, его представляющей... Земский собор XVI века был в точном смысле совещанием правительства с собственными агентами»****. Эта меткая характеристика вполне приложима к той пародии народного представительства, которая называется съездом советов рабочих и крестьянских депутатов, а на самом деле является совещанием большевистского правительства с его собственными чиновниками.

Политическим орудием укрепления самодержавия на Руси явилась опричнина. «Ей указана была, — говорит проф. Ключев-

---

* Там же, стр. 139–140.

** Герберштейн, назв. соч., стр. 46–47.

*** Карамзин, назв. соч., кн. III, примечания к IX т., стр. 25.

**** В. Ключевский. «Курс русской истории», 1906 г., ч. II, стр. 486–487.

ский, — политическая цель, для которой не было особого учреждения в существовавшем московском государственном устройстве. Цель эта состояла в том, чтобы истребить крамолу... Опричнина получила назначение высшей полиции по делам государственной измены»*. Здесь перед нами прообраз современной Че-ка. Напомним, кстати, и о системе шпионажа при Грозном: «Явились толпы доносителей, — говорит Карамзин. — Подслушивали тихие разговоры в семействах, между друзьями; смотрели на лица, угадывали тайну мыслей... не боялись выдумывать преступлений, ибо... судия не требовал улики верных... Жены доносили на мужей... дети на отцов... ближние не смели искренно говорить между собою»**...

События, как видим, повторяются.

Государственная власть Московской Руси закрепостила себе все слои народа, обезличив своих подданных: все они, начиная с бояр и кончая смердами, были в ее глазах «людишками», «холопами», «рабами»; ни о какой свободе слова, неприкосновенности личности и т. д. не могло быть и речи. Тот же крепостной дух пронизывает и современную Большевизию. — «Все взяты на учет, — пишет автор одного письма из теперешней России, — все под гласным и негласным надзором, все запуганы, забиты, приведены к одному знаменателю. Чувство личного достоинства вытравлено до конца; во всяком случае, оно исчезает без остатка при всяком столкновении с властью»***.

То же сходство Московии и Большевизии необходимо отметить и в непомерном развитии взяточничества, в отсутствии правосудия (судить означало в Московской Руси управлять, а управление на всех ступенях его было самовластное), в отношениях между полами****, даже в мелочах бытового уклада населения, стесненного в свободе своего передвижения и в выборе своих занятий и ограниченного в своем духовном кругозоре тягостными буднями натурального хозяйства.

Таким образом, сравнение Большевизии с Московией обнаруживает, что одну из причин — может быть, даже основную — победы большевизма необходимо искать в сохранении вплоть до революции 1917 года многочисленных пережитков крепостничества. Реформы 60-х годов прошлого века не искоренили их.

---

* Там же, стр. 224.

** Карамзин, т. IX, стр., 11–12 и т. XI, стр. 64.

*** Х. «Письмо из России», «Записки», кн. VII, стр. 328.

**** О невероятной распущенности московских нравов XVI–XVII вв. читатель найдет много сведений в 19-м томе «Исторических монографий» Н. Костомарова, см. главы XI и XIII.

Они далеко продвинули сравнительно небольшую передовую часть народа по пути к Европе XX-го столетия, но оставили огромную массу народа жить в условиях, во многом напоминающих Москву XVI века. За этот недостаток европеизации всей русской жизни снизу доверху, за этот глубокий культурный разрыв различных слоев народа между собою, — Россия заплатила страшную цену слепой и зверской большевистской реакции.

